

— Въ Θεодосію. Они значитъ здѣшніе... она была заручена за одного, а теперь слюбилась съ другимъ и хочетъ съ нимъ обвѣнчаться... здѣсь всѣ знаютъ, зазорно, да и прежній любовникъ помѣшать можетъ, вотъ они и ѣдутъ въ Θεодосію къ родичамъ... Такъ прошу...

— Хорошо! прервалъ его таможенный и направился въ сторону.

— Послушайте! такъ вы ихъ пожалуйста удержите... у нея и билета нѣту.

— Говорю тебѣ: хорошо!

— Только вы не сердитесь...— И мѣщанинъ взялъ за руку таможенного и мнѣ показалось, что таможенный спряталъ что-то въ карманъ.

— Она тебѣ родная чтоль какая? али такъ сердечная родичка? спросилъ весело внезапно просвѣтлѣвшій таможенный.

Мѣщанинъ взялъ подъ руку таможенного, и они направились къ пристани. Я нарочно пошелъ позади прислушиваясь. — Изъ разговора ихъ я узналъ, что дѣвушка ушла изъ публичнаго дома, съ намѣреніемъ выйти замужъ. Гдѣ она скрылась, о томъ содержательницѣ дома неизвѣстно, но за то та узнала, что дѣвушка думаетъ уйти съ женихомъ въ Θεодосію, почему и послала мѣщанина, пріятеля своего, устроить препятствіе.

— Дѣвка просто красавица... къ ней одной бывало и ѣздить... какъ уйдетъ, будетъ большой убытокъ,— повторялъ безпрестанно мѣщанинъ.

IV.

(Поѣздка въ Инкерманъ. — Экс-матросъ и его рассказы. — Сравненіе Французовъ, англичанъ и турокъ. — Неудачная операція и откушенный палець. — Инкерманская долина. — Инкерманская киноя. — Окрестности. — Гичка адм. Истомина. — Чортовъ кабачекъ. — Хребетъ беззаконія. — Ялишникъ объ думѣ. — Иллюминація и фейерверкъ. — Графская пристань и памятникъ Казарскому. —)

14-го Сентября часа въ три пополудни вошелъ ко мнѣ докторъ Б., одѣтый въ дорогу.

— Куда это вы собрались ѣхать?

— Въ Инкерманъ. Вы тамъ были уже?

— Нѣтъ.

— Такъ поѣдете вмѣстѣ.

Яликъ былъ договоренъ докторомъ еще по утру (1 руб. за полдня), и намъ такимъ образомъ оставалось сѣсть и поѣхать. Яликомъ управляли два ялишника — товарища. Одинъ изъ нихъ матросъ, прослужившій всю осаду на 5-мъ бастіонѣ, другой былъ волонтеромъ. Докторъ сталъ ихъ спрашивать.

— Кто лучше — французы или англичане? спросилъ онъ между прочимъ.

— Французы народъ хороппій, отвѣчалъ экс-матросъ, — обходительный, съ нимъ можно скоро сойтись, а англичане — капри-

зенный, гордый... Любо смотрѣть какъ французы храбро, какъ ни въ чемъ ни бывало, идутъ на штурмъ: наши батареи какъ жар-путъ картечью, то у нихъ такъ и выбьютъ рядъ — хоть шестеркой поѣздай, а они ничего: опять вмѣсто — смотришь и не узнаешь! Ну ужъ за то они боятся рукопашной, грѣха нечего таить... И вотъ еще я вамъ скажу: французы и англичане всегда передъ тѣмъ, какъ на насъ идти, напивались... Сколько мы ни брали въ плѣнъ и раненыхъ, всегда они были пьяны... Ну и вотъ еще: французъ и англичанинъ, даромъ что были вмѣстѣ, въ союзѣ значить, а не проходило того дня, чтобъ они не дрались промежъ собою... Ладу-то у нихъ не было!

— Что же ты о туркахъ молчишь? прервалъ я его.

— Что турокъ? турокъ дрянъ — сволочь народъ, грабители. Кабы не французъ, турокъ намъ далъ бы знать по грабительской части! Онъ же можетъ вы слышали, когда онъ, значитъ непріятель, взявъ Керчь, турки и пошли грабить по домамъ, да безчинства производить; жители и пожаловались французу... французскій начальникъ взявъ да и велѣлъ повѣсить ихъ девять человекъ — для примѣра другимъ... ну и угомонились, а то пропадай бы городъ!

Медленно подвигались мы впередъ. Противный вѣтеръ и теченіе мѣшали намъ. — Ялишникъ не умолкалъ.

— Здѣсь былъ сахарный заводъ, говорилъ онъ; а здѣсь какъ шли французы, мы ихъ жарнули картечью, такъ вся гора стала красною, усыпалась ими какъ краснымъ макомъ! Любо было!

Я посмотрѣлъ на разскащика, желая подмѣтить на лицѣ его особенное чувство при этомъ воспоминаніи. Но лицо его было спокойно.

— А часто случались перебѣжки?

— Часто; да это ни гроша не стоитъ. Хорошій человекъ не перебѣжитъ. Перебѣгаетъ дрянъ: напраказитъ тамъ, боится, что дадутъ лупку и летитъ къ намъ... Не стоило и принимать!

— А наши перебѣгали къ нимъ?

— А гдѣ нѣту с..... сыновъ? — и ялишникъ отъ досады плюнулъ.

Б. замѣтилъ, что у ялишника—разскащика нѣтъ одного пальца на рукѣ и спросилъ объ этомъ. Тотъ разсказалъ, что палецъ откушенъ французскимъ офицеромъ. Случилось такъ. Послѣ одного дѣла, экс-матросъ набрелъ на лежавшаго безъ памяти француза, у котораго съ правой щеки была содрана штыкомъ вся кожа. Сострадаельный матросъ вздумалъ дѣлать операцію, натягивать кожу на ея мѣсто, но чуть онъ потянулъ, пришедшій въ себя французъ, чувствуя невыносимую боль, схватываетъ руку матроса и откусываетъ палецъ. Все это произошло скорѣе, чѣмъ я разсказалъ. Отказавшись отъ операціи, матросъ отнесъ офицера на перевязочный пунктъ. Ставъ выздоравливать, французъ первымъ дѣломъ счелъ просить, чтобъ къ нему привели матроса. Матроса нашли, и офицеръ много благодарилъ его за участіе. Черезъ два мѣсяца послѣ этого

адъютантъ князя Горчакова передалъ матросу отъ французскаго офицера 75 руб.

Мы проѣхали подъ небольшимъ деревяннымъ мостикомъ, возлѣ котораго торчало изъ воды затонувшее два года тому назадъ одномачтовое суденышко. Инкерманская долина явилась передъ нами во всей своей красѣ. Направо крутые обрывы крайнихъ уступовъ Сапунъ-горы, на лѣво тоже возвышаются отвѣсно громадныя скалы-горы бѣлаго мягкаго камня. Въ тѣхъ и другихъ черяются отверстія многочисленныхъ пещеръ, похожія издали на гнѣзда птицъ или по выраженію Палласа, на пчельникъ въ разрѣзѣ. Инкерманскій монастырь, или, какъ его официально зовутъ, Инкерманская киноія, высѣченная въ половинѣ исполинской скалы, съ ея балкономъ высящимъ въ воздухѣ болѣе чѣмъ на 15 сажень отъ земли, красовалась на лѣво, освѣщенная прощальными лучами заходящаго солнца.

Мы вышли на берегъ. Одинъ ялишникъ остался стеречь лодку, а другой вызвался быть нашимъ чичероне. Осмотрѣвъ остатки водопровода и тоннель, при чемъ ялишникъ замѣтилъ, что «все это можно бы поисправить, да наша казна больно попотратилась», и пройдя черезъ рѣку и лужокъ, мы поднялись на первый расчищенный уступъ скалы, на которомъ строится новая каменная церковь. (Всѣ раочіе при ней изъ Орловской губерніи).

Встрѣтившій насъ старикъ — сторожъ повелъ по внутренней каменной лѣстницѣ, чрезъ корридоръ, въ древнюю церковь — небольшую комнату, высѣченную въ скалѣ, какъ гласитъ преданіе, св. Климентомъ, епископомъ римскимъ, сосланнымъ сюда въ заточеніе Траяномъ. Показавъ боковыя предѣлы, пещеры и кельи, всѣ выбитыя въ скалѣ, старикъ обратилъ наше вниманіе на высѣченный въ куполѣ алтарь и хорошо сохранившійся, каменный крестъ. Потомъ мы пошли на балконъ, съ котораго открылся очаровательный видъ на лежащую у нашихъ ногъ долину и на всю окрестность.—Полюбовавшись видомъ, мы возвратились опять въ церковь, откуда старикъ повелъ насъ по внутренней каменной лѣстницѣ, чрезъ колокольню, на самый верхъ горы, на площадку древняго четырехугольнаго укрѣпленія «Феодора», подъ которымъ выдолблена упомянутая церковь.

Проходя корридоромъ я замѣтилъ на окнѣ ядро съ бѣлою надписью вокругъ: *17 октября 1854 подарокъ отъ Англовъ*. На всѣхъ дверяхъ, которыми мы проходили, я видѣлъ прибитыя полулисты бумаги, на которыхъ были напечатаны или молитвы или душеспасительныя разсужденія (о пьянствѣ, о непослушаніи и т. под.), — изданія какой-то благочестивой московской купчихи. На одной половинкѣ дверей былъ прибитъ листъ писчей бумаги, а на немъ четко написано стихотвореніе іеромонаха Евр... Я прочелъ это стихотвореніе, но, къ стыду моей памяти, въ настоящую минуту не могу сказать, что въ немъ воспѣто.

Отпирая двери колокольни, старикъ сказалъ, что недавно былъ украденъ неизвѣстно кѣмъ малый колоколь, и распространился о

томъ, что въ настоящее бѣдственное время ничего не значить и святѣйши мѣста.

Выкарабкавшись на верхъ горы, на площадку, я увидѣлъ передъ собою бѣлыя высоты Оедюхиныхъ горъ:

На Оедюхины высоты
Насъ пришло всего три роты,
А пошли полки....

Бросивъ взглядъ на крѣпостную башню, надъ которой безслѣдно пронеслось столько вѣковъ, и разрушенную послѣдней войной; постоявъ надъ древнимъ колодцемъ (докторъ Б. бросилъ въ него камень и долго прислушивался) выдолбленнымъ въ цѣльной скалѣ, имѣющимъ до 20 саж. глубины; взглянувъ на пещеры, въ которыхъ недавно еще покоились человѣческія кости; постоявъ на томъ мѣстѣ, гдѣ (не долго впрочемъ) стояла, по словамъ провожатаго, «пушка генерала Жабокрицкаго», и выслушавъ длинный рассказъ о дѣйствіяхъ этой пушки,—мы спустились внизъ съ горы, позади укрѣпленія, мимо нижняго фонтана, начинающагося портиться. Надъ бассейномъ фонтана широко раскинула свои массивныя вѣтви столѣтняя верба....

Когда мы проходили лужайку, отдѣлявшую насъ отъ мѣста стоянки ялика, чичероне говорилъ, что живописная Инкерманская долина считается крайне нездоровою, легко надѣляя изнурительною, а подчасъ и смертельною лихорадкою. Въ юнѣ и юлѣ она опаснѣе, чѣмъ въ другіе мѣсяцы. Въ это время года бываетъ по ночамъ по нѣсколку мгновенныхъ переѣнъ въ воздухѣ, — то холодно, какъ осенью, то вдругъ душно и жарко, то опять холодно, то еще жарче прежняго. Человѣкъ привычный и знающій можетъ уберечься — если послѣ холода броситъ въ жаръ, онъ укутается еще болѣе и тѣмъ спасется, но незнающій раскроется и непременно получить лихорадку.

— А сколько здѣсь, умираю народу, когда строились водопроводы — и не приведи Богъ! съ грустью повторялъ ялишникъ; и народъ гибъ даромъ, ни за что, ни про что: вотъ же теперь все и пошло прахомъ!

Докторъ успѣшилъ застегнуть пальто, я сдѣлалъ тоже. — Когда мы, несомые теченіемъ рѣчки, подплывали къ гавани, на небѣ окончательно погасли запоздавшіе лучи солнца, и луна успѣла уже осеребрить землю. Молчавшій въ раздумьи нѣсколько времени экс-матросъ сталъ опять «точить рассказы». — Вотъ уже мы вышли изъ Черной рѣчки, прошли то мѣсто, гдѣ затоплены купческія суда, и ялишникъ, указывая на лѣво (отъ себя направо), объясняетъ:

— Вонъ на горѣ виднѣется Волынская батарея, Камчатка, а вонъ то мѣсто, гдѣ адмиралу Истомину оторвало ядромъ голову.... У Истомина была своя гичка; два солдата отвезли въ ней его тѣло на Сѣверную *) и вернулись.... сходя вонъ здѣсь (и ялишникъ

*) Потомъ Истоминъ былъ похороненъ возлѣ Шахимова, Корнилова и Лазарева, на томъ мѣстѣ, гдѣ воздвигается теперь храмъ св. Владиміра.

указалъ рукой гдѣ) на берегъ, одинъ сказалъ гичкѣ: и тебѣ вѣрно не долго жить безъ хозяина! какъ въ эту минуту летитъ бомба,— солдаты легли на землю ни живы ни мертвы.... бомбу разнесло, они встаютъ, а отъ гички не осталось и щепки.... Вотъ, подумаешь, судьба!

Мы держали къ лѣвому берегу, на Павловскій мысокъ. Впереди торчало изъ воды нѣскольکو камней, мимо которыхъ нужно было плыть. Докторъ Б., не разглядѣвшій сначала этихъ камней, спросилъ: что тамъ чернѣется?

— Чортовъ кабачекъ, отвѣтилъ экс-матросъ.

— Что за «Чортовъ кабачекъ»?

И ялишникъ намъ разсказалъ, что исторія случилась давно, когда Ушаковъ командовалъ корветомъ или шкуною. Корветъ тогда стоялъ прямо противъ камней, близъ сѣвернаго берега. — Однажды Ушаковъ отпустилъ на берегъ погулять двухъ матросовъ, и одинъ изъ нихъ не возвратился на почъ на судно, какъ было приказано. Утромъ на другой день выходитъ Ушаковъ на палубу и видитъ сидящаго на камнѣ человѣка. Послали шлюпку, и оказалось, что это матросъ; ноги его болтаются въ водѣ и самъ онъ блѣдный, перепуганный. Матросъ разсказалъ слѣдующее. — Когда онъ вчера шелъ на корветъ, съ нимъ встрѣтился одинъ изъ пріятелей. Слово за слово, и онъ приглашаетъ матроса выпить по чаркѣ на прощанье. Матросъ и радъ бы этому, но до кабака далеко. — Какое далеко! возражаетъ пріятель: здѣсь по близости есть. — Какой? — А развѣ ты не знаешь? недавно открытъ. — И пошли. Въ кабакѣ матросъ пропустилъ одну, другую, обнимался—цаловался съ пріятелемъ, но подъ конецъ заспорилъ. Въ спорѣ возьми онъ, да и ударъ кружкой по столу.... Все вмигъ исчезло, и кабачекъ и пріятель. Матросъ очутился сидящимъ на камнѣ, а въ рукѣ его вмѣсто кружки кость лошадиной ноги.... Съ тѣхъ поръ камни и зовутся «Чортовымъ кабачкомъ».

Докторъ взглянулъ на меня и улыбнулся. Разсказчикъ это замѣтилъ.

— Вотъ вы мнѣ не вѣрите, я вижу, а оно правда! сказалъ онъ. Вся Корабельная слободка это помнитъ и знаетъ. Еслибъ еще камень былъ близко отъ берега, ну такъ, а то далеко....

— Да вотъ, взять въ примѣръ.... рѣшился проговорить другой ялишникъ, до сихъ поръ молчавшій. — Вы были на Маленькомъ бульварѣ, гдѣ памятникъ Казарскаго? Та гора и то мѣсто звались въ старину «Хребетъ беззаконія».

— По какой причинѣ?

— Тогда то мѣсто было краемъ города, тамъ жила что ни на есть блѣдный народъ, въ обвалившихся хаткахъ, и тамъ много было кабаковъ и много гулящихъ дѣвпчыхъ заведеній.... Всегда пьянство, гуляня, а поздно вечеромъ не думай ходить.... обдерутъ какъ сидорову козу, а не то и совсѣмъ изведутъ.... вотъ и прозвали «Хребетъ беззаконія». За беззаконіе такъ и прозвали!

— Ну, братъ, это не то! замѣтилъ экс-матросъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Мѣрно стучали весла; яликъ подвигался медленно, качаемый поднимающейся волной, гонимой вѣтеркомъ съ моря. Яликъ — говоритъ смотрѣль въ сторону Малахова Кургана. Подъ грозой войны преждевременно состарѣвшееся лице его, окаймленное длинными посѣдѣвшими волосами, сдѣлалось печальнымъ.

— Эхъ! Вотъ французскіе начальники, шли сами впередъ! — проговорилъ онъ съ горькою усмѣшкой, какъ бы отвѣчая на свою задушевную думу, и, отпустивъ крѣпкое русское слово, сталъ сълиже грести весломъ и покрикивать на товарища, который не могъ поспѣвать.

— Выгоденъ вашъ промыселъ? спросилъ Б., когда мы расплачивались, стоя на Графской.

— Былъ бы выгоденъ, кабы не налогъ отъ думы, а то плати по *три рубля въ мѣсяцъ* за яликъ, да еще бесплатно, во всякое время, когда схотятъ, перевозки на тотъ берегъ всякаго казеннаго! Когда налога не было, яликовъ стояло втрое болье. Теперь плохо!

Графская пристань, дома, окружающіе площадь, маленькій бульваръ съ памятникомъ Казарскаго были иллюминированы. Какъ-то странно глядѣла эта торжественная иллюминація среди раскинутыхъ по безчисленнымъ холмамъ безмолвныхъ развалинъ, освѣщенныхъ трепетнымъ луннымъ сіяніемъ. Чѣмъ-то похороннымъ вѣяло отъ нея...

По лѣстницѣ и подъ портикомъ толпился народъ, ожидая фейерверка на Павловскомъ мыскѣ во время прогулки Е. В. Наслѣдника по рейду. Съ трудомъ пробравшись сквозь толпу, мы стали на верхней ступени, думая тоже полюбоваться фейерверкомъ, но фейерверкъ весьма не удался. Севастопольцы были неудачей фейерверка сконфужены и огорчены.

Однако я до сихъ поръ не говорилъ, что такое Графская пристань и какой памятникъ Казарскаго — хотя не разъ упоминалъ объ нихъ. — Знаменитая Графская пристань — это красивый длинный портикъ на пестумскихъ колоннахъ, отъ котораго идетъ широкая каменная лѣстница къ самому рейду. До войны она была украшена мраморными статуями.

Памятникъ Казарскаго — на бѣломъ высокомъ пьедесталѣ темнаго цвѣта, чугунная трирема. Иллюминированный, онъ очень красиво издали. Памятникъ этотъ, какъ извѣстно, случайно уцѣлѣлъ во время осады.

V.

(Въ гостинницѣ о гостинницѣ. — Почему Севастополь не обстрѣивается? — Средства къ пропитанію, доставленныя войной. — Когда начнется воскресеніе Севастополя?)

На другой день, послѣ прогулки по тропинкамъ, проложеннымъ по холмамъ и оврагамъ, именуемымъ здѣсь улицами, въ два часа я зашелъ въ залу «Гостинницы Ветцель». Обѣдало болѣе десяти

человѣкъ, раздѣленныхъ на двѣ группы. Ораторомъ первой группы былъ молодой человѣкъ лѣтъ 24-хъ, студентъ судя по голубому околышку фуражки; слушателями были два морскихъ офицера такихъ же лѣтъ и два по видимому путешественника.

— Здѣсь двѣ гостинницы, говорилъ студентъ, и это лучшая. Она годилась бы и не для такого бѣднаго городка, какъ Севастополь. Чистенькій номеръ, постель съ чистымъ бѣльемъ, вѣжливая прислуга, освѣщеніе и проч. — все это вамъ стоитъ 75 коп. въ сутки. И сутки считаются дѣйствительно въ 24 часа. Добросовѣстность содержателя—Ветцеля—замѣчательная! Вѣдь онъ могъ бы брать сколько угодно и ему платили бы, потому что негдѣ дѣться... Въ Одессѣ даже не то. Въ Одессѣ, на примѣръ, въ лучшей гостинницѣ *Европейской*, содержимой Вагнеромъ, съ меня взяли за семь часовъ того дня, въ который я пріѣхалъ, (а пробылъ я тамъ болѣе недѣли) какъ за сутки и кромѣ того за освѣщеніе брали по 15 коп. въ день. Вотъ счетъ (и студентъ далъ счетъ ближайшему сосѣду). Сравните же теперь Одессу съ Севастополемъ! А касательно обѣда? обѣдъ здѣсь тоже порядочный и порція стоитъ не дорого—20 коп... Не забудьте, что гостинницы здѣсь живутъ одними путешественниками, слѣдовательно людьми, съ которыхъ драть сколько вздумается — не считается грѣхомъ, и вы оцѣните вполне добросовѣстность Ветцеля!

На другомъ концѣ стола шелъ разговоръ по серьезнѣе. Толковали о настоящемъ Севастополѣ. Ораторомъ былъ морякъ среднихъ лѣтъ, имѣвшій до войны въ Севастополѣ свой домъ.

— Я не знаю города бѣднѣе Севастополя. Достаточно сказать, что сумма налога на недвижимыя городскія имущества, не превышаетъ 1,700 руб. *) — и этотъ налогъ считается тяжелымъ!.. И онъ дѣйствительно тяжелъ для Севастопольскихъ развалинъ. Дѣло другое, еслибъ всѣ домовладѣльцы, получившіе отъ правительства пособіе, возобновили свои дома; но домовладѣльцы и не думали объ этомъ и по очень простой причинѣ — по невозможности знать навѣрное: воскреснетъ Севастополь или нѣтъ? Теперь надежда на воскресеніе явилась, цѣна мѣсть возвысилась, но никто не строится и не будетъ строиться, пока не окончится Польскій вопросъ, т. е. пока не уничтожатся опасенія войны... У меня самага отложены деньги на постройку дома, я знаю многихъ здѣшнихъ жителей, готовыхъ приступить къ возобновленію домовъ, но ни я, ни они—мы не рѣшимся бросить денегъ, пока не будемъ увѣрены въ мирѣ... Впрочемъ, опасенія войны остановили постройки не въ одномъ бѣднякѣ — Севастополѣ, меня увѣряли, что и въ другихъ приморскихъ городахъ тоже самое. Въ самомъ дѣлѣ, кому охота рисковать?

— Интересно бы знать тѣ потери, какія мы несемъ, каждый

*) Число домовъ, вошедшихъ въ опись для платежа налога, не превышаетъ 370, а общая оцѣнка стоимости имущества далеко не достигаетъ и 350 тысячъ.

въ своихъ частныхъ, семейныхъ дѣлахъ, и будемъ нести, пока вопросъ о войнѣ не будетъ конченъ!?. замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

Кто-то вздохнулъ, а потомъ высморкался.

— Скажите пожалуйста чѣмъ жило население Севастополя на первыхъ порахъ по заключеніи мира? спросилъ я.

— На первыхъ порахъ средства къ пропитанію были доставлены самою войною. Едва успѣлъ убраться непріятель, какъ все наличное населеніе бросилось собирать ядра, пули, осколки бомбъ и проч. *) Пули продавались по 120 к. и 150 коп. за пудъ, осколки 5—7 коп., мѣдь 2 руб. пудъ и болѣе. Скупали ихъ здѣшніе купцы Телятниковъ, Гвоздаковъ, Долгаленко и отправляли въ Одессу, Таганрогъ; нерѣдко приходили иностранныя суда и нагружаясь этимъ военнымъ добромъ, отвозили его во Францію и Англию. Иностранныя суда приходили еще нарочно за костями животныхъ; которыхъ въ то время подъ Севастополемъ были пѣлые скирды. Кости продавались по пяти, шести и семи коп. пудъ. Собираніе костей занимало тоже немало рукъ... Нужно вамъ замѣтить еще, что собираніе пуль, осколковъ и т. дал. и костей продолжается и до сихъ поръ, хотя и въ ничтожномъ размѣрѣ, но по этому вы можете судить каково оно было въ первое время! Промыселъ былъ выгодный... Не далѣе года тому назадъ было наряжено слѣдствіе по случаю доноса, что продаются человѣческія кости; доносъ по слѣдствію оказался ложнымъ, но, положительно по другому слѣдствію доказано, что два года тому назадъ какіе то негодяи тайкомъ раскапывали французскія и англійскія могилы для поживы: колець, денегъ, часовъ съ которыми зачастую хоронились французы.

— Да-а все это такъ, совершенно справедливо!—вставилъ свое слово одинъ старичокъ, севастопольскій житель, —кромѣ же того, о чемъ было говорено, нѣкоторое занятіе и заработокъ давали поднимаемыя суда, которыя разбирались. Дрова съ разобранныхъ кораблей (они годятся и на постройку) продавались сначала по 5 руб. саж., а впоследствии—9 р. и дороже. — Одинъ мѣщанинъ, я знаю, купилъ поднятую изъ воды машину для чистки порта за 300 руб., а заработалъ на ней 600. Не говоря о деревѣ, даже веревки оказались годными и пошли въ дѣло.

Долго еще длился разговоръ о настоящемъ и будущемъ Севастополя. Окончился онъ убѣжденіемъ, раздѣленнымъ всѣми, что желѣзная дорога воскреситъ городъ, но это воскресеніе начнется только тогда, когда исчезнетъ послѣдній страхъ войны...

*) Отъ многихъ я слыхалъ, что въ это время нельзя было имѣть ни горничной, ни прячки, ни лакея и проч.; все было занято собраніемъ наслѣдія осады, доставлявшимъ хорошій заработокъ.

VI.

Пѣздка въ Херсонскій монастырь. — Прогулка на Малаховъ Курганъ. — Какіе случаются путешественники. — Подписи. — 4-ый бастионъ. — Отчего мы «не подобались бы»? — Извощика разсказъ и опасенія.)

16-го сентября, въ понедѣльникъ, нанявъ крытые дрожки, я вмѣстѣ съ П. отправился, мимо городского кладбища и карантинныхъ остатковъ, въ Херсонскій монастырь, отстоящій отъ Севастополя на нѣсколько верстъ. День былъ солнечный, тихій.

Такъ какъ П. хорошо знакомъ съ настоятелемъ монастыря архимандритомъ Евгениемъ, мы пошли прямо къ послѣднему. Поднявшись по узенькой лѣстничкѣ въ верхній этажъ, мы очутились въ довольно просторной комнатѣ, по срединѣ которой, перегораживая комнату на-двое, стояли шкапы съ книгами. Я полюбопытствовалъ взглянуть въ нихъ, и мнѣ бросился въ глаза переплетенный томъ съ надписью: *Сочиненіе А. Шапова*. По стѣнамъ висѣли крымскіе виды. Одна дверь изъ этой комнаты вела на крытую галерею, обращенную на востокъ. Галерея уставлена цвѣтами, на половину цвѣтуцми; двѣ хорошенькія кѣтки съ канарейками довершаютъ убранство ея.

Отецъ Евгенийъ очень былъ радъ пріѣзду стараго знакомаго. Послѣ первыхъ обычныхъ вопросовъ и распросовъ, рѣчь зашла объ от. Геронтіѣ, бывшемъ настоятелѣ Георгіевскаго монастыря. От. Геронтій, пробывшій все военное время въ своемъ монастырѣ, будучи переведенъ три года назадъ въ Новгородскій—Юрьевъ монастырь, оставилъ по себѣ завидную память, и если только два знавшіе его челоуѣка встрѣтятся—разговоръ ихъ хоть подъ конецъ, но непременно перейдетъ на воспоминаніе объ немъ.

Угостивъ водочкой и пирогами съ капустой, от. Евгенийъ повелъ меня показать дѣлаемые имъ съ успѣхомъ роскоши древней церкви и другихъ древнихъ зданій, и недавно выведенный фундаментъ будущаго великолѣпнаго храма св. Владимира. Остатки стѣнъ древняго храма будутъ находиться внутри имѣющаго воздвигнуться. — Осмотрѣвъ затѣмъ въ этомъ году оконченный большой каменный домъ для помѣщенія настоятеля съ братією, домъ, выстроенный съ большими удобствами и вкусомъ, въ залѣ котораго хранятся иконы для будущаго храма, и разводимый возлѣ дома садъ, я употребилъ нѣсколько минутъ на осмотръ живописно-пустынной мѣстности, окружающей Херсонесъ. — Отсюда въ бинокль очень ясно видѣнъ далекий Чатырдахъ, столько разъ воспѣтый.

От. Евгенийъ оставилъ насъ на обѣдъ, послѣ котораго мы ѣли превосходный виноградъ. Поведя меня въ свой кабинетъ, богатый письменными принадлежностями и фотографическими портретами особъ царской фамилии, радушный хозяинъ показалъ бѣлый листъ бумаги, на которомъ красиво и четко было написано: *Николай, 15 сентября 1863 г.*, и при этомъ разсказалъ о посѣщеніи монастыря Е. И. В. Наслѣдникомъ.

Въ исходѣ третьяго часа мы выѣхали изъ монастырскихъ во-

ротъ. Странно: я былъ на историческомъ мѣстѣ, связанная съ нимъ воспоминанія должны бы были, кажется, воскреснуть въ головѣ во всѣхъ ихъ позабытыхъ подробностяхъ, — но ничего этого не случилось. Отъ древнихъ стѣнъ и такихъ же мраморныхъ колоннъ машинально, самъ собою переходилъ взоръ на севастопольскіе холмы, и воспоминаніе о томъ, что было тамъ недавно, что до сихъ, поръ заставляетъ болѣзненно сжиматься русское сердце, оживало съ новою силою... Въ виду Севастополя нѣтъ мѣста для воспоминаній и размышленій о томъ, что дѣлалось здѣсь за 1000 лѣтъ назадъ!...

Однако, мой любезный и быть можетъ единственный читатель, я рассказалъ вамъ уже о посѣщеніи мною Херсонскаго монастыря, а ничего не сообщилъ доселѣ о Малаховомъ курганѣ, четвертомъ бастионѣ и другихъ не менѣ славныхъ и извѣстныхъ пунктахъ нашей защиты. Увы, объ нихъ много не распространишься... Кучи камней, глубокія ямы и засыпанные рвы, хаотически изрытое пространство увидите вы на мѣстѣ грозныхъ бастионовъ и батарей. Даже съ подробною картою въ рукахъ трудно отыскать иной требуемый клочекъ. Линія непріятельскихъ укрѣпленій представляетъ тотъ же самый видъ.

Впрочемъ, передамъ вамъ о томъ, какъ я путешествовалъ на Малаховъ курганъ и 4-ый бастионъ. Дрожечникъ попался мнѣ говорунъ, и все время поѣздки говорилъ почти неумолкая. Я былъ этимъ доволенъ конечно. Едва лошади успѣли пробѣжать нѣскольکو шаговъ (мы ѣхали по Морской) дрожечникъ началъ рассказывать.

— Вотъ былъ французскій театръ (и онъ указалъ мнѣ пальцемъ на право большой балаганъ, украшенный вывѣскою *Продажа питей распивочно и на выносъ*), а теперь кабаки!... А то вонъ домъ изъ желѣза, его можно разбирать и опять ставить: складной, заплаченъ 800 рублевъ... а тутъ (указаніе головой на холмъ на лѣво) была «дѣвичья батарея»: дѣвки помогали ее дѣлать и долго жили на ней. Онѣ хвалились, что не пойдутъ, значить, никуда съ того мѣста, гдѣ онѣ родились и жили, и гдѣ жили ихъ отцы — матери. Сначала шло хорошо: дѣвка справлялась за инаго солдата, а послѣ по ночамъ пошла гулянья, пляски да попойка, начальство узнало и спой выпроводило ихъ съ батареи.

При самомъ началѣ спуска съ горы надъ южною бухтою, извощикъ указалъ на угловый каменный домъ, принадлежавшій на слѣдникамъ англичанина Уптона (или Уптена), строителя доковъ, и при этомъ передалъ, что «Оптунъ» (т. е. Уптоны), по приходѣ непріятелей, сейчасъ завели съ ними сношенія. Обо всѣмъ, что у насъ ни дѣлалось, ни предпринималось, они передавали англичанамъ, за что непріятель шадилъ ихъ домъ. Наконецъ «наши» стали дозрѣвать, слѣдить и выслѣдили. Чуть только шпionство ихъ сдѣлалось явнымъ, солдатики порѣшили между собою расправиться съ «Оптунами» по свойски, но послѣдніе, узнавъ о заговорѣ, неизвѣстно куда скрылись. На другой день «наши разнесли» ихъ домъ: отплатили чѣмъ могли.

— Вонъ—онъ—онъ! что блещитъ, видите? обратился ко мнѣ извощикъ, кивая на противоположный берегъ бухты.

— Вижу. Что же то такое?

— То мѣдная пушка.... отъ войны одна она только и осталась.... ея нашелъ какой-то унтер-офицеръ на 4-мъ бастионѣ: была зарыта въ землю. Царь прислалъ ему за находку 100 рублей.

Подъѣзжая къ Пересыпки *), я увидѣлъ нѣсколько домиковъ у подошвы горы и разводимый надъ ними на террасахъ виноградъ.

Въ бухтѣ плавало нѣсколько лодокъ; въ каждой сидѣло по два человѣка, вооруженныхъ длиннѣйшими шестами. Они занимались отыскиваніемъ на днѣ бухты желѣза и мѣди. Проѣхавъ Пересыпку, при поднятіи на гору, я опять увидѣлъ маленькіе чистенькіе домики, за которыми на уступахъ горы разведены были садики и виноградники. Они смотрѣли такъ весело, и казалось имъ такъ привольно здѣсь стоять; гора защищаетъ ихъ отъ вѣтровъ, въ солнечный, ясный день они смотрятся въ Южной бухтѣ....

Миновавъ прострѣленную доковую стѣну и оставивъ влѣво торчащія стѣны домовъ Корабельной слободки, и обогнувъ такимъ образомъ часть Малахова, мы остановились у бруствера, недалеко отъ башни, выстроенной городскимъ обществомъ и разбитой неприятелемъ въ бомбардировку 5-го октября. Извощикъ остановилъ лошадей, и мы пошли прежде всего къ тому мѣсту, на которомъ былъ убитъ Корниловъ.

— Эхъ, не взять бы имъ Малахова и во вѣкъ!—проговорилъ уныло извощикъ.

— Кабы что? спросилъ я.

— Ничего.

— Какъ ничего? ты вѣрно хотѣлъ что сказать, — но вѣдь новаго ничего не скажешь (увѣрялъ я его): слухомъ земля полнится.

— Пущай полнится, а наше дѣло—молчокъ.

— Почему же ты не хочешь говорить? боишься развѣ, что-ли?

— Да какъ и говорить? иному скажешь, онъ и пристанетъ: а откуда ты знаешь, да можешь-ли доказать?... долго-ль до бѣды? Одинъ разъ какой-то толстый баринъ — внераль, что-ль? — хотѣлъ меня посадить въ полицію за то, что я сказалъ, что у насъ не хватало снарядовъ отстрѣливаться.

— Но ты говоришь глазъ-на-глазъ, безъ свидѣтелей, рѣшился я замѣтить.

— Свидѣтелей не подведутъ, такъ тебя подведутъ подъ законъ, отвѣтилъ угрюмо чичероне.

*) Южная бухта вдавалась прежде гораздо далѣе въ материкъ, такъ что сообщеніе жителей при ея вершинѣ производилось на яликахъ. Когда расплывалась гора для постройки казармъ, тогда родилось и приведено въ исполненіе предположеніе засыпать часть бухты и устроить сухопутный переѣздъ. Первая мысль объ этомъ гениальномъ проектѣ пришла въ голову, говорятъ, подрядчику, взявшемуся срыть гору для казармъ. . . . Иначе, видите-ли, далеко было отвозить землю! . . . Засыпанная часть бухты и называется *Пересыпкою*. Я слыхалъ, что съ рожденіемъ этой пресловутой Пересыпки началась засореніе и обмелѣніе драгоцѣннѣйшей Южной бухты.

Я не могъ ничего возразить на это....

Молчаніе. Я внимательно разсматриваю окружающее, извощикъ взглянулъ на лошадей и крикнулъ имъ: стоой!...

— Передъ этимъ ты разсказалъ же мнѣ кое-что, начинаю я, опять.

— А что я развѣ разсказывалъ? я *ничего такого* не говорилъ вамъ.

Я вошелъ въ это время въ остатки Малаховой башни — самый нижній этажъ ея, родъ каменной арки, гдѣ защищалась, уже послѣ занятія Французами бастиона, кучка нашихъ подъ начальствомъ поручика Модлинскаго полка Юлія. На законченныхъ пороховымъ дымомъ каменныхъ стѣнахъ и потолкѣ, я увидѣлъ безчисленное множество фамилій французскихъ, русскихъ, итальянскихъ, англійскихъ; одна подпись была турецкая, нѣмецкой я не замѣтилъ ни одной. Нѣкоторые посѣтителіи пріѣзжали сюда, какъ видно, не для того, чтобъ взглянуть на мѣсто отчаянной битвы, а для того, чтобъ вырѣзать свое имя. Въ самомъ дѣлѣ, иныя фамиліи вырѣзаны такъ четко, отчетливо и такими громадными буквами, что невольно рождается вопросъ: сколько времени пошло на этотъ трудъ, долженствующій, по мнѣнію трудившагося, сдѣлать его безсмертнымъ? — Я помнилъ нѣсколько изъ этихъ фамилій, но теперь забылъ.

— Многие-ли изъ посѣщающихъ Курганъ оставляютъ по смерти какую-нибудь другую память, кромѣ этихъ подписей? подумалъ я. Узы! эти подписи будутъ служить единымъ свидѣтельствомъ и результатомъ цѣлой жизни ке одного и не двухъ.... Вырѣзывайте же, господа, свои фамиліи, вырѣзывайте глубже, дабы время не скоро могло ихъ стереть!...

Отъ Малахова Кургана я поѣхалъ на 4-й бастионъ. Миновавъ, развалины католической церкви и театра мы стали подниматься на гору. Подъемъ довольно пологій.

— Здѣсь былъ бульваръ, росли большія деревья, замѣтилъ извощикъ.

Я сталъ искать какого-нибудь слѣда, чего-нибудь, что напоминало бы о бульварѣ: напрасно! Всюду изрытая земля и камни разныхъ величинъ, будто кто ихъ нарочно здѣсь высыпалъ изъ гигантскаго мѣшка. Лошади безпрестанно спотыкались объ нихъ; мы ѣхали шагомъ. Было время припомнить чтитанное и слышанное.

А слыхалъ я о 4-мъ бастионѣ много. Сколько разъ, слушая разсказы, мнѣ хотѣлось побывать на немъ. — И вотъ теперь мое желаніе исполнено.... Я на немъ.... Вокругъ меня какой-то хаосъ, въ которомъ теряешься: громадные камни, выброшенные взрывами, кучи мелкаго камня и мусора, обвалившіеся бруствера и во множествѣ глубокія ямы, вырытыя бомбами; не найдешь вершка нетронутой земли.... Среди всего этого тусклой лентой вьется телѣжная дорога, накатанная и набитая до такой степени крѣпко, что до сихъ поръ со времени осады остается неповрежденною.... Это 4-й бастионъ! Ни одинъ бастионъ не производитъ въ настоящее время

такого впечатлѣнія, какъ 4-й; это быть можетъ потому, что ни одинъ не представляетъ такого хаоса. Здѣсь вы *наглядно* узнаете, чему подвергались наши храбрые защитники, что они выдержали.

Мы вскарабкались на брустверь.

— Видите, какъ они близко подобрался? — и мой чичероне указалъ рукою на неприятельскія траншеи.

— Да, молодцы Французы! мы бы къ нимъ такъ близко не подобрался, сказалъ я съ намѣреніемъ.

— Эхъ, что вы говорите! не подобрался бы?... а отчего они подобрался,—знаете? потому что у нихъ начальники...

— И, задѣтый за живое, извощикъ сталъ горячо рассказывать о причинахъ нашего поражения. Я достигъ своей цѣли и, сѣвъ на насыпь, слушалъ его рассказъ съ большимъ интересомъ. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, обо всемъ. Изъ его словъ я увидѣлъ, что многія закулисныя тайны, ревниво охраняемыя отъ жаднаго любопытства толпы, извѣстны народу во всѣхъ ихъ подробностяхъ и производятъ свое дѣйствіе. Какимъ презрѣніемъ и ненавистью дышали слова рассказчика въ иныхъ мѣстахъ рѣчи! Казалось онъ готовъ былъ сію-же минуту; не задумываясь, растерзать на клочки тотъ предметъ, о которомъ упоминалъ!...

Не безусловно правъ поэтъ, подумалъ я; не всегда народное повѣствованіе

Popiół, w którym zaledwie iskra prawdy tleje....

Какъ часто въ этомъ народномъ повѣствованіи вы найдете ту истину, которую напрасно стали бы искать въ фоліантахъ!

Извощикъ съ восторгомъ говорилъ о Хрулевѣ, называя его по имени.

— Еслибъ Степану Александровичу, сказалъ онъ между прочимъ, дали бы хоть на одинъ день войска, да волю дѣлать, что хо четъ, онъ прогналъ бы Француза.—И при этомъ было упомянуто о военныхъ совѣтахъ, порѣшившихъ битву на Черной рѣчкѣ.

О Нахимовѣ рассказывалось съ благоговѣніемъ. «Нашъ батько» на зывалъ его рассказчикъ, служившій матросомъ.—«Разъ, прошелъ слухъ, что нашего батька берутъ отъ насъ, назначаютъ въ Николаевъ; тогда матросы объявляютъ, что перепадутся Французамъ, коли это будетъ.... Нахимова и оставили.... Не поберегли матрочиковъ подъ конецъ, рано убили нашего батько!»

У извощика была приготовлена свѣча, и мы спускались въ мину, но далеко пройти не могли: всюду обрушивается земля. Неприятное удушакщее чувство испытывалъ въ этомъ длинномъ земляномъ корридорѣ, тѣсномъ какъ гробъ.... Я вспомнилъ Мельникова, извощикъ тоже заговорилъ объ немъ....

Солнце уже сѣло, когда мы стали спускаться съ 4-го бастіона. Визиря повелъ рѣчь о послѣднемъ удаленіи непріятели изъ Камыша. «Наши», явившіяся сейчасъ въ Камышъ, застали покнутыми разные пожитки, сѣдла, муку, говядину, а въ иныхъ домахъ и приготовленную пишу. Севастопольцы ѣздили туда и брали что

хотѣли. Но это продолжалось недолго, всего забрать не успѣли: пришли казаки и все лучшее позабирали себѣ, а остальное пожгли, чтобъ не досталось никому. По уходѣ непріятеля въ Севастополь была дешевизна и обиліе всего; но особенно дешевы были ромъ и другіе напитки. Дешевизна и обиліе стояли до тѣхъ поръ, пока не пріѣхала изъ Николаева полиція, которая «стала все забирать и опечатывать.» «Пошли тогда другіе распорядки!» окончилъ свою рѣчь возница.

Пріѣхавъ въ гостиницу, я позвалъ извозчика къ себѣ въ номеръ для расплаты. «Но умисель другой тутъ былъ»: я сталъ упрашивать повторить мнѣ рассказъ о причинахъ нашего пораженія. Но онъ отказался на-отрѣзъ, присовокупивъ, что и самъ не понимаетъ—какъ это онъ высказался, потому что онъ далъ зарокъ никогда «такого» не говорить, и что лучше будетъ, если я забуду сказанное, «а то не дай Богъ чего: и жизни не радъ будешь»....

(До слѣд. №).